

Почему плохие законы плохо написаны

Когда государство доходит в своем развитии до принятия дискриминационных законов, уже не находится ни грамотных, ни адекватных исполнителей

Екатерина Шульман

[Vedomosti.ru](http://vedomosti.ru), 21.06.2013

Поправки в закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», известные как «закон о гей-пропаганде», были приняты Государственной думой 11 июня и отосланы в Совет Федерации, который рассмотрит их — и, очевидно, одобрит — 26 июня.

Есть популярная теория, что подобные сюжеты подбрасываются общественному мнению, дабы увлеченные обсуждением различных форм половой жизни граждане позабыли о своих претензиях к действующей власти. Не впадая в избыточную конспирологию, заметим, что дискуссия в таких случаях мгновенно — и совершенно незаметно для участников — перескакивает с обсуждения закона на обсуждение его предмета. Хороши ли гомосексуальные отношения, надо ли их запрещать, а как быть с детьми, а каковы вообще сексуальные отношения бывают и какие из них правильные? В такой дискуссии неизменно побеждает тот, кто умеет выкликать слово «дети» с более профессиональным завыванием. А кто против — тот, значит, за гомосексуализм.

Но при чем тут вообще дети и гомосексуалисты? «Принять закон о запрете пропаганды X» не равняется «запретить X». Но почему-то, как только дело касается законотворчества, все становятся очень некстати платониками и начинают верить в первичность мира идей перед миром вещным. Обсуждать имеет смысл не X, как бы он всех ни возбуждал, а саму оригинальную правовую новеллу и ее последствия.

Новый закон карает различными штрафами (а юрлиц — приостановлением деятельности на девяносто суток) «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, выразившуюся в распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений». Что такое информация, направленная на формирование установок? Как доказать направленность? Что такое семейные ценности? Наш Уголовный кодекс не содержит определения понятия «семья», но по тексту его семья не тождественна браку (каковой есть союз одного мужчины и одной женщины), а включает в себя куда более широкий круг лиц, в том числе перечисляемых в Уголовном кодексе «ближайших родственников». Какая конфигурация всех этих граждан представляет собой ценность, а какая — ценность традиционную? Как соотносятся традиционные сексуальные отношения и совершеннолетние? По смыслу наших законов всякий рекламирующий половое сношение в сколь угодно традиционной и миссионерской форме лицу моложе восемнадцати лет — педофил. Не очень ясно, чем отличается пропаганда однополая (если речь вообще о ней — в законе нет термина «гомосексуализм») от двуполой, и неужто последняя теперь разрешена?

Закон не содержит даже отсылки к какому-то будущему подзаконному акту (то, что в правоведении деликатно называется бланкетной диспозицией), который бы как-то эти вопросы прояснял.

Обсуждаемая новация плоха не потому, что нехорошо обижать геев или средства массовой информации («в том числе сеть «Интернет», как в законе выражаются), а потому, что это вообще не закон, а бессмысленный набор оценочных терминов. Низкое качество закона не делает его неприменимым на практике, как полагают некоторые

беспечные граждане. Оно делает закон применимым произвольно. Его реализация целиком предоставлена фантазии каждого районного прокурора и участкового полицейского.

Закон — это инструкция, адресованная аппарату управления и принуждения, который, как нас учили в школе, и есть государство. Идеальный скелет закона — «не влезай — убьет». Тут есть диспозиция (не влезай), обращенная к гражданам, и санкция (убьет), обращенная одной стороной к гражданам как предупреждение (что будет, если влезешь), другой — к правоприменительным органам как указание (что делать, если влезли). Всякий закон представляет собой гипертекст, каждый термин в котором является отсылкой к следующему разъясняющему его тексту. Закон — это закрытый список и исчерпывающий перечень. Смерть закона — двусмысленность, туманные формулировки, общие слова, «прочие» и «иные случаи». Это серая зона произвола.

Писание законов из всех видов творчества напоминает больше всего создание шахматной задачи: пользуясь только двумя цветами, черным и белым, запретом и разрешением, нужно в строгих формальных рамках создать систему с единственно возможным верным решением. «Постепенно доска становится магнитным полем, звездным небом, сложным и точным прибором, системой нажимов и вспышек. Как мучительна бывала борьба с ферзем белых, когда нужно было ограничить его мощь во избежание двойного решения!» Разница только в том, что шахматную задачу можно сочинить одному, а законопроект должен обсуждаться и дорабатываться максимально публично. Именно это сочетание ограниченных средств и сложно организованной реальности, отражаемой этими средствами, делает законотворчество одним из высших проявлений интеллектуальной деятельности человека. Сейчас этот тезис звучит несколько фантастически, но временный и локальный провал в варварство не отменяет его объективной истинности.

Отчего дурные законы всегда дурно написаны? Идеальный гегельянец ответил бы, что в самой природе Права заложена нравственная компонента и ткань закона сопротивляется, когда в нее заворачивают разную политически обусловленную селедку. На более реалистическом уровне можно заметить, что к тому моменту, когда государство доходит в своем развитии до принятия дискриминационных и античеловечных законов, для работы этой уже не находится ни грамотных, ни просто умственно адекватных исполнителей.

Автор — политолог, специалист по проблемам законотворчества

Источник: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/13358761/pochemu_plohie_zakony_ploho_na_pisany#ixzz2X2G3bzt